

О Жучкове с пристрастным сердцем

Кто хорошо знает Владимира Александровича Жучкова, просто Володю, для того он прекрасен, несмотря на всю его внешнюю неказистость, недостатки телосложения, скажем так. На них не просто не обращаешь ни малейшего внимания, они не просто сглаживаются в сознании — их нет. Его человеческая красота обнаруживает себя сразу же после двух-трех ска-

занных им фраз, он притягивает к себе и становится для тебя интересным, поскольку подсознательно уже чувствуешь свою ничем еще не заслуженную значимость для него. В его самых обыденных словах по поводу жизненных ситуаций и дел всегда присутствует почти неуловимая остраненность: да, так принято, так требует нравственность, но дело вовсе не в принятии или правильности действий как таковых: за ними, за принятостью и правильностью, стоит что-то более значительное, для чего все это оказывается лишь внешней оболочкой. Володя был человеком человеческого существа. Оно, это человеческое существо, и окрашивало в свои цвета все вокруг, даже слабости его, оказывавшиеся подчас непреодолимо сильными.

Мне уже приходилось как-то по поводу одного из его юбилеев писать, что Володя был *гением дружбы* и друзей у него было великое множество, много друзей подлинных, подстать ему самому, преданных общему делу, служащих общим целям, много и таких, что преследовали в этой дружбе какую-то пользу для себя, чему сам Володя всегда способствовал.

Жизнь его была безраздельно отдана Канту, а Кант для Владимира Жучкова был средоточием всей мировой философской культуры. Так, его докторская диссертация была посвящена немецкой философии Просвещения с особым акцентом на вольфианстве как той почве, из которой непосредственно Кант вырос. И все же был один пункт, занимавший его постоянно, и этот пункт — «Критика чистого разума». Понять это великое творение философского духа самому и сделать это понятным и близким другим — на это Володя не жалел никаких сил. Сделать перевод «Критики...» максимально точным, не отступающим от оригинала и при этом не буквалистским, а красивым и точно выраженным по-русски была одной из таких задач. Этому он посвятил издание свода всех переводов «Критики чистого разума» (1998) на русский язык с учетом латинского перевода и переводов на другие европейские языки. Гибкость, учет тончайших смыслов терминологии Канта, начиная со знаменитого *Ding an sich*, — к этому он призывал постоянно и в меру сил так и поступал.

Я вспоминаю, как в качестве приглашенного профессора читал он нашим студентам лекцию о Канте и, вознося ему панегирик, вдруг аудиторию озадачил, можно даже сказать — ошарашил, заявив: «Не читайте “Критики чистого разума”!» Подобные парадоксы были вообще в его духе. Естественно, в аудитории сразу же раздались возгласы: как? почему? а как же быть? И Володя стал разъяснять, что читать это произведение можно только будучи хорошо подготовленным интеллектуально и с твердою целью, иначе абсолютно непонятные пассажи Канта навсегда отобьют такое желание своей кажущейся абракадаброй.

Этапы вызревания «Критики...» в сознании Канта в так называемое молчаливое десятилетие (годы примерно с 1771 по 1781) послужили предметом значительнейшего проекта, осуществленного В. А. Жучковым вместе с его ближайшими друзьями профессорами В. В. Васильевым и С. А. Черновым. Итогом их труда стала книга, значение которой трудно переоценить: И. Кант. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum, 2000). Она, к сожалению, не стала еще для российских исследователей Канта настольной, хотя это совершенно необходимо.

Я познакомился с ним 19 апреля 1974 года на вокзале, встречая поезд из Москвы с первыми участниками первых Всесоюзных Кантовских чтений. Он был не только участником, но и организатором их, представляя в орг-

комитете Институт философии АН. Не скрою, что, войдя в купе, я был удивлен, увидев Володю вместо ожидаемого, как мне казалось, должного быть важным господина. «Ну, почти что Кант, — подумал я, разглядывая этого маленького человека, — правда, без всякого ореола величия, должно быть присущего Канту». «Берись вот за эту ручку», — сказал он мне без всяких приветствий, и мы вышли из вагона, неся холщовую сумку, в которой покоился бюст Канта работы Эммануэля Бардоу (1798). Только на перроне с сумкой в руках мы назвали друг другу, *представились* тут не скажешь, и Володя рассказал мне легенду о том, что вот этот покоящийся в сумке Кант будто бы вывезен был из Кёнигсбергского университета после войны и теперь возвращается на родину как дар Института философии музею Канта, организованному нами буквально на пустом месте за полтора года и бывшему если не пустым, то почти пустым местом в то время. Я отвечал за эстетический вид музея, и бюст меня обрадовал. Двумя годами позднее почти таким же образом в музее появились бюсты Фихте и Шеллинга. Мы стали друзьями сразу же, и дружба наша с тех пор только росла.

Калининградский университет в первый раз в своей еще менее чем десятилетней истории заговорил о Канте: 250-летний его юбилей приоткрыл занавес в 700-летнюю историю города. Жучков был инициатором и руководителем студенческих чтений, которые предшествовали основным и происходили 20—21 апреля 1974 года. Началась череда Кантовских чтений, семинаров, конференций, в которых Жучков играл роль связующего звена между Институтом философии и университетом.

Важную роль сыграл он и в становлении «Кантовского сборника», начавшего выходить в качестве ежегодника с 1975 года, так что в этом — 2015-м — ему исполнилось 40 лет. Наполнить материалом сборник самостоятельно ученые университета, конечно, в то время не могли, как не могут это сделать и сейчас, однако с той важной оговоркой, что сейчас это уже научный ежеквартальный журнал. Обширные связи Володи Жучкова с людьми, занятыми или интересующимися кантовской тематикой во всем Союзе, поначалу очень помогали делать сборник интересным, популяризировали его среди философской публики.

Сорок лет продолжалась наша дружба. Это была деятельная переписка, ежегодные встречи на различных семинарах и конференциях, душевные беседы в кругу друзей-единомышленников за кружкой пива или бутылкой вина, где рождались идеи и проекты, где невольно происходило побуждение к творчеству, где ждали друг от друга новых статей и книг. Любопытно было видеть Володю во время научных дискуссий. Оратор, подчас затрудняясь на память процитировать то или иное суждение Канта, находил у Жучкова помощь, если же кто-то не совсем точно излагал идею Канта или даже ошибался в интерпретации, Жучков непременно почти дословно передавал написанное Кантом и мог попутно сообщить, в каких произведениях великий философ обращался к этим проблемам и даже на каких страницах опубликованных текстов это можно прочесть. Когда проблема его интересовала, оппонентом он был вездливый.

Ему абсолютно было несвойственно подобострастие или лесть по отношению к вышестоящим и прямым его начальникам, жило сознание малости сделанного и критическое отношение к себе. Одновременно не был он доволен ни положением дел в стране, ни начавшимися реформами в Академии наук, где проработал всю жизнь.

Родная подмосковная природа, лето, проведенное в деревне, вливали в него новые силы, и он был особенно энергичен в первые послеотпускные месяцы. Физически крепким он не был, это сказывалось и на настроении, и на делах, но он никогда не жаловался на здоровье. Окружающие всегда видели его в добром расположении духа.

Обычный рядовой человек науки, без каких-либо великого в ней не совершается, а для нас, его друзей по жизни и общему делу, утрата невосполнимая.

*Л. А. Калинин, д-р филос. наук,
директор Института Канта,
проф. каф. философии БФУ им. И. Канта*